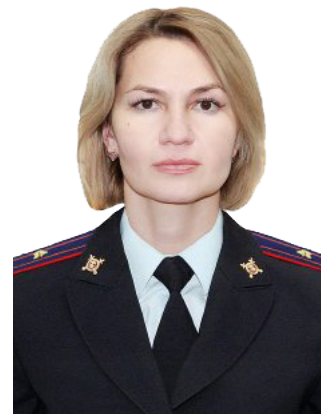

Научная статья
УДК 343.125
DOI: 10.37973/KUI.2022.18.35.015

ОСНОВНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ ИНСТИТУТА ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Алина Дубарисовна Елизарова
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия,
alinochka79d@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются основные практические сложности, появившиеся в процессе внедрения в российскую правовую действительность института запрета определенных действий. Автор анализирует данную проблему с целью ответа на вопрос о необходимости существования института запрета определенных действий в целом.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, исторический, логический, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений. Эмпирической основой исследования стали материалы судебных обзоров и судебная статистика.

Результаты исследования: сформулированы ответы на принципиально важные с точки зрения теории и практики вопросы – какие запреты в большинстве своем применяются в уголовном процессе? Действительно ли данная мера может выполнять функции по адекватному пресечению уклонения лица от следствия и суда? Действительно ли запрет определенных действий также ориентирован на защиту прав потерпевшего, свидетелей и т.д.?

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу, что запрет определенных действий в уголовном судопроизводстве может выполнять функции по адекватному пресечению уклонения лица от следствия и суда. На данный момент наблюдаются некоторые практические сложности в рамках применения данного института, которые, однако, не свидетельствуют об отсутствии практической необходимости существования данных мер пресечения.

© Елизарова А.Д., 2022

Ключевые слова: запрет определенных действий; меры пресечения; домашний арест; залог; заключение под стражу; уголовное судопроизводство

Для цитирования: Елизарова А.Д. Основные практические сложности в применении института запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 109-113. DOI: 10.37973/KUI.2022.18.35.015

Scientific article
UDC 343.125
DOI: 10.37973/KUI.2022.18.35.015

THE INSTITUTION OF THE PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE MAIN PRACTICAL DIFFICULTIES

Alina Dubarisovna Elizarova
the Ufa Law Institute of MIA of Russia, Ufa, Russia, alinochka79d@mail.ru

Abstract

Introduction: the article discusses the main practical difficulties that appeared during the implementation process of the institute of prohibition of certain actions into the Russian legal reality. The author analyzes

these challenges in order to answer the question of the need for the existence of the institution of prohibition of certain actions in general.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was the dialectical method of scientific knowledge, historical, logical, as well as observation and other particular methods of studying legal phenomena. Judicial review and judicial statistics became the empirics of the article.

Results: the author gave the answers on potentially significant due to theory and practice questions: what prohibitions are mostly applied in criminal proceedings? Can this measure really fulfill the functions of adequately preventing a person from evading investigation and trial? Is the prohibition of certain acts also aimed at protecting the rights of the victim, witnesses, etc.?

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that the prohibition of certain actions in criminal proceedings can indeed perform the functions of adequately preventing a person from evading investigation and trial. At the moment, there are some practical difficulties in the application of this institution, which, however, do not indicate the absence of a practical need for the existence of these preventive measures.

© Elizarova A.D., 2022

Keywords: prohibition of certain actions; preventive measure; arrest; pledge; detention; criminal justice

For citation: Elizarova A.D. The Main Practical Difficulties in Applying the Institution of the Prohibition of Certain Actions in Criminal Proceedings // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. Vol. 13, No. 1 (47). Pp. 109-113. DOI: 10.37973/KUI.2022.18.35.015

Введение

Введение новой формы процессуальной деятельности в виде запрета осуществлять определенные действия представляет собой, по нашему мнению, парадоксальное явление. Оно заключается одновременно во введении новой меры пресечения (что воспринимается как ужесточение законодательного подхода к регулированию данной сферы), а также в предоставлении более мягкой, альтернативной возможности для лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование. При этом ряд исследователей отмечают тенденцию к возможному дальнейшему росту количества действий, предусмотренных запретом как новой формы пресечения [1], что будет тяготеть к более гуманному и менее ограничительному характеру запретных мероприятий.

В основе запрета определенных действий изначально была предусмотрена возможность применения в отношении подозреваемого, обвиняемого более мягких ограничительных мер (в сравнении с заключением под стражу, залогом, иными мерами принудительного характера).

Тем не менее принуждение, безусловно, свойственно запрету определенных действий и может выражаться как во введении мер физического (например, запрет на физическое посещение конкретных локаций в конкретное время), так и психологического (запрет на осуществление коммуникации с использованием конкретного вида социальной сети или мессенджера) характера,

если использовать классификацию видов принуждения А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского [2].

Таким образом, безопасность и более мягкие условия для подозреваемого и обвиняемого – это важнейшая цель, на которую ориентировался законодатель в рамках обоснования целесообразности внедрения новой меры пресечения. Также следует отметить безопасность иных участников процесса, в частности свидетелей и потерпевших, в отношении которых важно обеспечить однозначное отсутствие прямых угроз безопасности.

Еще одной целевой установкой для внедрения новой меры пресечения стала необходимость проведения параллельного процесса – модернизации и существенного преобразования национальной системы содержания под стражей (в которой наблюдаются серьезные структурные проблемы, отраженные в ряде дел Европейского суда по правам человека – дело Караченцева против Российской Федерации¹, Ананьев против Российской Федерации² и т.д.), что требовало новой пресекающей формы.

Однако, несмотря на все преимущества новой формы пресечения, она не очень активно применяется в российской практике (или не так активно, как изначально планировал законодатель). Так, согласно данным обзора судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году, в качестве замены меры пресечения в виде заключения под стражу апелляционной инстанцией приме-

¹ Дело «Караченцев (Karachentsev) против Российской Федерации» (жалоба № 23229/11). Страсбург, 17 апреля 2018 года. URL: <https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-postanovlenii-espch-ot-17042018-po-delu-karachentsev-karachentsev-protiv-rossiiskoi-federatsii-zhaloba-n-2322911/>, свободный (дата обращения: 14.01.2022).

² Дело «Ананьев и другие (Ananyev and Others) против Российской Федерации» (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08). Страсбург, 10 января 2012 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70114844/>, свободный (дата обращения: 14.01.2022).

нялся запрет определенных действий в отношении 48 лиц. Для сравнения: домашний арест был применен в 250 случаях. В качестве замены меры пресечения в виде заключения под стражу при рассмотрении жалоб апелляционной инстанцией на продление срока наблюдается аналогичная тенденция – запрет определенных действий был применен в отношении 35 лиц, в то время как домашний арест – в отношении 253 лиц¹.

Именно заключение под стражу и домашний арест в российской действительности продолжают превалировать, несмотря на изначальное намерение по минимизации данных видов пресекательных действий, связанных с существенным ограничением свободы человека [3]. Именно поэтому, по мнению автора, необходимо исследовать, в чем заключается основная причина неактивного применения новой формы мер пресечения, для чего важно ответить на вопрос – какие запреты в большинстве своем применяются в уголовном процессе?

Обзор литературы

Ввиду новизны меры пресечения, исследуемой в данной работе, в настоящее время существует небольшое количество исследований (О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин, Н.А. Николаева, С.А. Яковлева, А.С. Кутянина и др.), посвященных конкретно запрету определенных действий. Однако существует множество монографических и периодических материалов, в которых рассматриваются меры пресечения в целом (Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, О.В. Качалова, В.П. Кашепов, А.А. Гравина, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский и др.).

Исследователи отмечают некоторые практические сложности, а также теоретические упрощения в рамках внедрения нового института запрета определенных действий. Так, на основе сравнения с практикой зарубежных стран О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин [4] пишут, что в России, например, не всегда решены такие принципиальные вопросы, как «установленное расстояние», которое необходимо соблюдать в рамках запрета на приближение и коммуникацию с конкретным лицом. В зарубежных странах этот вопрос решается, например, необходимостью принудительно покинуть общее место пребывания.

Наиболее кардинальная точка зрения представлена С.А. Яковлевой и А.С. Кутяниной [5], отмечающими, что запрет определенных действий не только встречает практические сложности на пути своего претворения, но и, по сути, дублирует иные виды мер пресечения. Это может быть связано как с неопытностью правопримени-

телей ввиду новизны института (что, по нашему мнению, более вероятно), так и с отсутствием реальной необходимости существования института запрета определенных действий.

Ценным, на наш взгляд, исследованием с точки зрения анализа судебной практики является работа Е.В. Ларкиной [6], которая отмечает правоприменительные недостатки практически по каждому анализируемому пункту (например, при назначении запрета на общение с лицами, судами не указывается, с какими конкретно лицами нельзя осуществлять коммуникацию). При этом во многих случаях без таких уточнений и деталей пропадает смысл назначения данной меры пресечения.

Таким образом, исследователи утверждают о существовании практических сложностей в рамках применения института запрета определенных действий, однако не сходятся во мнении относительно необходимости существования данного института в российской практике.

Материалы и методы

В процессе настоящего исследования были применены диалектический, исторический, формально-логический, системно-структурный, логико-семантический методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения. Эмпирической основой исследования стала судебная статистика и материалы судебных обзоров: данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2007 года по настоящее время. Также исследовались отдельные кейсы, рассмотренные в рамках деятельности Европейского суда по правам человека.

Результаты исследования

В результате исследования теоретических источников и судебной практики был сформулирован вывод о верном пути законодателя, предусмотревшего альтернативу в рамках мер пресечения.

Во-первых, появление новых форм коммуникации обусловило необходимость запрета не только физически покидать помещение / территорию / регион, но и не осуществлять онлайн-коммуникацию, которая в настоящее время может нанести не меньший вред и сформировать угрозу ввиду широкого интернет-инструментария. Сделанный на этой форме запрета акцент представляется нам уместным и актуальным.

¹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году // Официальный сайт СД при ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

Во-вторых, очень важно выделение запрета определенных действий именно с точки зрения предоставления более мягкой и гуманной альтернативы для лица. Дополнение ранее существовавших мер пресечения, таких как залог или домашний арест, не в полной мере бы соответствовало цели гуманизации уголовного судопроизводства и ориентации его на права человека.

Анализ судебной практики дает основание утверждать, что существует множество недостатков и пробелов в правоприменении. На неэффективность применения мер пресечения непосредственно влияет субъективность органов суда и следствия, а также излишне формальный подход к определению необходимой меры пресечения. При этом правоохранительные органы зачастую дают завышенную квалификацию совершенного деяния. Об этом косвенно свидетельствует и статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Так, в 2021 году в отношении категории преступлений небольшой тяжести было рассмотрено 2 054 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Из них:

- было удовлетворено 1 749 ходатайств, что составляет 85,15% от общего количества ходатайств;
- был вынесен отказ в отношении 735 ходатайств, что составляет 35,78% от общего количества ходатайств;
- было заменено залогом 7, что составляет 0,34% от общего количества ходатайств¹.

При этом 303 ходатайства реализованы в отношении обвиняемых, которые ранее не были судимы, что в совокупности с учетом совершения преступления небольшой тяжести подразумевает необходимость применения наиболее «легкой» меры пресечения. Такое положение дел – это существенный перекоп в сторону излишне строгих мер пресечения, не оправданных ситуацией. Запрет на осуществление определенных действий мог бы, по нашему мнению, стать альтернативой заключению под стражу в большинстве ситуаций, однако правоприменитель пока предпочитает применять более жесткие меры.

Судебная статистика по годам позволяет выявить процент удовлетворения ходатайств о прод-

лении, приближающийся к ста процентам (95 – 98%)². Например, в 2021 году было рассмотрено 95 512 ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Удовлетворены из них 93 593, что составляет 97,99% от общего количества, и, конечно, формирует у исследователей явное представление о формальной системе заявления и последующего рассмотрения соответствующих ходатайств. Такой подход считаем нарушением прав человека, который требует существенного реформирования и ориентации на эффективное, соответствующее реальному объему и опасности совершенного деяния расследование и правосудие. Все это обуславливает необходимость обзора наиболее сложных вопросов Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, а также более продолжительной практики правоприменения, что само по себе может разрешить множество вопросов.

Большое значение в этом смысле, по нашему мнению, имеет также научно-исследовательская сторона вопроса. При сотрудничестве научной мысли и практики институт запрета определенных действий сможет стать неотъемлемым элементом российской уголовно-процессуальной действительности.

Обсуждение и заключения

Подводя итог, ответим на вопросы, поставленные в начале исследования. По нашему мнению, запрет определенных действий в уголовном судопроизводстве может выполнять функции по адекватному пресечению уклонения лица от следствия и суда. На данный момент наблюдаются некоторые практические сложности в рамках применения данного института, не свидетельствующие при этом об отсутствии практической необходимости существования данных мер пресечения.

На основании анализа материалов судебной практики можно заключить, что запрет определенных действий действительно ориентирован одновременно на защиту прав подозреваемого обвиняемого, равно как и на защиту потерпевшего, свидетелей и иных участников процесса, что свидетельствует о его существенной значимости в рамках тенденции гуманизации уголовного процесса.

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 год // Официальный сайт СД при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 10.01.2022).

² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2007 – 2021 год // Официальный сайт СД при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.01.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николаева Н.А. Генезис запрета определенных действий в российском уголовном процессе // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3 (45). С. 44 – 47.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.
3. Малаховский А. Важный инструмент следователя: почему не пустеют СИЗО // Закон.ру. URL: <https://pravo.ru/story/214521/>, свободный (дата обращения: 14.01.2022)
4. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225 – 229.
5. Яковлева С.А., Кутянина А.С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, № 1. С. 87 – 96.
6. Ларкина Е.В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // Lex Russica. 2019. № 4 (149). С. 129 – 138.

REFERENCES

1. Nikolaeva N.A. Genezis zapreta opredelennyh dejstvij v rossijskom ugovolnom processe // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 3 (45). S. 44-47.
2. Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Ugolovnyj process. M.: KNORUS, 2008. 704 s.
3. Malahovskij A. Vazhnyj instrument sledovatelya: pochemu ne pusteyut SIZO // Zakon.ru. URL: <https://pravo.ru/story/214521/>, svobodnyj (data obrashcheniya: 14.01.2022)
4. Andreeva O.I., Zajcev O.A., Epihin A.YU. Zapret opredelennyh dejstvij kak novaya mera obespecheniya bezopasnosti lichnosti v ugovolnom processe // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 436. S. 225-229.
5. YAKovleva S.A., Kutyanina A.S. Problemy sootnosheniya zapreta opredelennyh deĭstviĭ s drugimi merami ugovolno-processual'nogo presecheniya // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. YUridicheskie nauki». 2019. T.5, № 1. S. 87-96.
6. Larkina E.V. Zapret opredelennyh dejstvij i predusmotrennye im zaprety v sochetanii s zalogom i domashnim arestom: pervye polgoda primeneniya // Lex Russica. 2019. № 4 (149). S. 129-138.

Информация об авторе:

Елизарова Алина Дубарисовна, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России, alinochka79d@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Elizarova Alina Dubarisovna, adjunct of the Ufa Law Institute of MIA of Russia, alinochka79d@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 18.01.2022.

Статья принята к публикации: 15.03.2022

Статья опубликована онлайн: 28.03.2022

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.